

завтрак на руинах

Майкл Муркок

перевод Виктора Бенъковского

КАЛЬКУТТСКАЯ МОШКАРА: 1911: БИЗНЕС

Глава седьмая

Десять лет тому назад непредубежденному наблюдателю со свежим взглядом, приехавшему в Индию, очень скоро открывалась следующая проблема, стоявшая перед тамошним обществом: в стране одновременно функционировали два могучих социальных механизма. Одним из этих механизмов было колониальное британское правительство, действующее в соответствии с собственными представлениями об общественном благе. Колониальным правительством насаждалась система западного образования и западного образа мышления, которое успешно теснило старые верования и социальные традиции. Отлично отлаженная законодательная машина и мир в стране, поддерживаемый британскими пушками и штыками, в немалой степени способствовали раскрепощению умов. Люди все больше были склонны размышлять и критиковать. В отношении будущего Индии у британской администрации не было никакого определенного плана. Будущее представлялось как непрерывное совершенствование системы административного правления.

Важнейшим социальным механизмом было постепенное пробуждение национального самосознания. Национальное движение питалось западными идеями, насаждаемыми британской администрацией и армией самоотверженных христианских миссионеров, использующих эти идеи для решения собственных задач. Мало-помалу росло убеждение — и деятельность миссионеров сыграла в этом не последнюю роль —

что народу нужно предоставить возможность выбрать свою судьбу.

Наш непредубежденный наблюдатель, конечно же, поражался, насколько функционирование одного из этих социальных механизмов мешает работе другого. Это несоответствие порождало испытываемое почти всеми чувство нестабильности. В 1908 году это противоречие на какое-то время вылилось в конфронтацию в Уайтхолле между лордом Минтоу, который был тогда вице-королем Индии, и лордом Морли, возможным претендентом на эту должность. Столкновение произошло внезапно, как гром среди ясного неба. В глазах большинства этот политический скандал в равной мере скомпрометировал как лорда Минтоу, так и его противника. Колониальная администрация насторожилась, а индийские политики пришли в ярость. В результате стали раздаваться голоса, ратующие за более прогрессивные методы управления; повсюду заговорили о «колониальном самоуправлении» — это был лозунг тех дней. Вдруг обнаружилось — к вящему удивлению — что ядро национального движения, требующего перемен, составляют люди (главным образом юристы), получившие образование в метрополии. Более того, неожиданно выясняется, что люди эти сформировали особый класс индийского общества.

Как во всяком националистическом движении, здесь существовало экстремистское крыло, предпочитающее прямые действия медленным конститу-

ционным изменениям. Со свойственной восточным людям склонностью к гиперболизации «новые индийцы» писали и во всеуслышанье говорили о британской тирании и о долге истинных патриотов восстать и погибнуть мученической смертью за свободу. Поэтические фантазии, рожденные в разгоряченных умах наиболее образованных индийцев, другими, более приземленными и практическими людьми, воспринимались как указания к действию. В любом обществе найдутся анархисты, тем более нашлись они в стране, значительная часть населения которой находилась на грани голодной смерти. Индийские экстремисты не замедлили войти в контакт с революционными ячейками в Европе и Соединенных Штатах, в результате чего, начиная с 1907 года, по стране прокатилась волна антиправительственных акций, включая восстания в провинциях и покушение на жизнь двух вице-королей и лейтенант-губернатора. Беспорядки ясно указывали на существование революционного подполья. Общественное мнение осудило действия экстремистов, однако по всему видно было, что анархистская зараза овладевает все новыми и новыми умами. И тут вспомнили о политическом скандале в Уайтхолле и забили тревогу. Тем более, что Индия к этому времени уже напоминала пробуждающийся вулкан. Вопрос теперь стоял так: можно ли каким-то образом согласовать действия двух вышеуказанных социальных механизмов, которые стремительно вели страну к катастрофе?

«Имперские доминионы и колонии»

статья «Индия», написанная его превосходительством тайным советником лордом Местоном, действительным членом Королевского Совета, доктором права

«Коллинз», 1924 год

— Ну же! Еще, Карл! Еще! Ах! Ну давай же! Давай!! Поехал!

Карл приседает и подпрыгивает, кряхтит и стонет, мускулы его болят, но он заставляет свое тело преувеличенно отвечать на малейший стимул. Чернокожий подбадривает его, крича от восторга.

— А-ах! — выпевает Карл. — О-ох!

Ах! Ох!

И вверх, и вниз, и вправо, и влево. Взвизгивая и изображая ржание лошади, Карл на четвереньках скачет по кругу в гостиничном номере. Спина и зад мокрые, но не от спермы или пота, ибо, несмотря на все свои сладострастные вопли, чернокожий, насколько Карл может судить, еще не кончал. Спина и зад Карла влажные от крови.

— Ну же, быстрее! Давай, давай, быстрее! Еще быстрее! — снова кричит чернокожий. — Пошел! Пошел! Ура-а!!!

Карлу двенадцать лет. Сирота. Полу немец-полуиндеец. Калькутта. 1911 год.

— Быстрее! Еще быстрее!

Чернокожий, скачущий позади на полусогнутых ногах, имитирует подпрыгивание в седле, одновременно терзая танцующие ягодицы Карла.

— Быстрее, тебе говорят!

Когда Карлу было пятнадцать лет, он ушел из дома, чтобы стать великим художником. Через три месяца он вернулся домой. Из школы изящных искусств его выперли. Мать встретила Карла очень приветливо. Она могла себе это позволить.

— Так! Так, так! Давай, давай же! Молодец, Карл! Ты учишься!

Карлу двенадцать лет. Красное солнце встает над красными кораблями. Калькутта...

Чернокожий сзади прыгает все яростнее, боль в ягодицах возрастает. Карл-конь галопом несется в атаку.

Карлу двенадцать лет. Матери нет в живых. Его отца тоже нет в живых. У Карла две сестры, шестнадцати и семнадцати лет, но они редко видятся. Те стесняются брата. Карл ведет свое дело и, судя по всему, ведет его очень даже успешно.

Карл работает в доках, вытянувшихся вдоль Хули. Его деятельность называется «работа агента». Если морякам или пассажирам кораблей что-нибудь нужно на берегу, Карл либо доставляет им требуемое, либо ведет их туда, где они могут получить желаемое. Карл крутится в этом бизнесе куда успешнее, чем другие ребяташки. Это потому, что у него почти белая кожа и европейский костюм. Карл свободно говорит по-английски и по-немецки, легко может общаться на большинстве других языков, включая несколько местных индийских диалектов. Поскольку юный «агент» прекрасно понимает, когда следует быть честным, а когда можно приворовывать, то пользуется большой популярностью, и люди, сходящие с больших красных пароходов, в первую очередь обращаются к нему за помощью, пользуясь рекомендациями своих друзей, которые уже побывали в Индии. У Карла отличные манеры и он очень сдержан, поэтому к нему одинаково хорошо относятся и индийские, и британские полисьмены в порту. (Каждому из них мальчик в свое время оказал какую-нибудь услугу; он прекрасно понимает, как важно поддерживать хорошие отношения с вла-

стями). В порту ходят слухи, что Карл миллионер. Имеется в виду, конечно, состояние в рупиях. Однако, в силу того, что над Карлом стоит куча людей, которым нужно отстегивать, все его состояние вряд ли превышает тысячу рупий. Свои деньги совместно с одним из друзей Карл держит в Барракупуре. Это милях в пятнадцати от места, где он работает — так безопаснее. Карл не пытается схватить то, чего не сможет удержать, он вполне доволен своим относительно скромным доходом. Юный «агент» старательно работает, чтобы к двадцати годам стать достаточно богатым человеком и открыть респектабельную фирму где-нибудь в центре Калькутты.

Единственным указанием на полуиндийское происхождение Карла (со стороны матери) является его тюрбан, служащий торговым знаком. По этому тюрбану Карла знают во всей Калькутте. Черный тюрбан из блестящего шелка украшен маленькой эмальерованной булавкой, которую подарила одна довольно эксцентричная английская леди, воспользовавшаяся услугами Карла год или два тому назад. Булавка белая с красным и с золотом. На ней изображена корона с перекинутым через нее свитком. На свитке написано «Эдуард Седьмой». Леди сказала, что булавка была изготовлена в память Коронации, а значит вещь эта весьма старинная и, может быть, ценная. Карл счел бу-

лавку достойным украшением для своего черного шелкового тюрбана.

Сегодня рано утром у Карла была встреча с молодым моряком, который предложил купить весь гашиш, который «агент» сможет достать к полудню. Моряк предложил разумную цену, хотя нельзя сказать, чтобы цена эта была уж слишком высокой, — и Карл согласился. Он понимал, что молодой моряк работает на какого-то оптового покупателя в одном из европейских портов и, стоит гашишу попасть в Европу, как цена его тут же возрастет в несколько раз по сравнению с калькуттской. Но Карла это не волновало. Свое он получит и будет этим доволен. Каждый должен быть доволен тем, что получает. Молодой моряк был англичанином, однако плывал на французском корабле «Жюльетта», возящем груз зерна и индиго вниз по реке Кални. Молодой моряк (звали его Марсден) должен был пересечь в Калькутте на один из речных пароходов.

Карл шел через портовую толчею. Он шагал настолько быстро, насколько это было разумно в полуденный зной, когда солнце стоит над головой. Карл двигался среди велосипедов, рикш, ослов с грузами, среди телег и людей, которые едва были видны за громадными ношами на спинах. Карл гордился городом, в котором живет. Ему нравилось смешение всевозможных рас, многочисленные контрасты и парадоксы Каль-

кутты. Когда кто-нибудь осыпал его руганью, что бывало частенько, Карл с удовольствием выпаливал ответную тираду на том же самом языке. Отвечая на приветствия знакомых, он слегка кланялся и рассеянно махал рукой, подражая манерам лейтенант-губернатора, которого ему довелось увидеть на одной из церемониальных процессий, шествовавших через город.

Переходя Киддерпур-бридж, Карл помедлил на нем немного, а затем решительно зашагал дальше. Теперь он шел через Майдан. По мнению Карла, Лондон должен выглядеть очень похожим на Киддерпур-бридж и Майдан. Карлу доводилось слышать, что Майдан напоминает увеличенную копию Гайд-парка. Деревья, высаженные там, были главным образом тех пород, которые культивировались в Англии, и живо напоминали Карлу английские картинки, изображающие сельские пейзажи. Карл приблизился к Собору с его готическим шпилем, возносящимся вверх над деревьями, и с широким искусственным потоком перед фасадом. Один из клиентов, которому он устраивал в прошлом году экскурсию по городу, говорил, что этот вид в точности напоминает вид на Бэйсуотер с моста через Серпентайн. Когда-нибудь Карл посетит Лондон и все увидит собственными глазами.

Карл нарочно не спешил, идя через Майдан. Он всегда чувствовал, как на него снисходят мир и покой в этом — самом престижном — районе города. Возле Правительственной Резиденции Карл властным движением руки остановил рикшу и велел парнишке возить его на перекресток Армянской улицы и Бубаб-роуд. На самом деле идти туда было совсем недалеко, но у Карла было настроение пошिकовать. Он откинулся на спинку сиденья, с наслаждением вдыхая пряный воздух города. Карл сказал Марсдену, что сможет доставить ему гашиша хоть на сотню фунтов. Марсден сказал, что принесет сегодня днем на площадь Далузи сто фунтов. Если все выгорит, это будет самая крупная из сделок Карла. Сейчас он от всей души надеялся, что приятель на Армянской улице сможет достать нужное количество гашиша.

Приятель Карла работал курьером в большой паровой компании на Армянской улице и постоянно был в разъездах. Из каждой поездки привозил гашиш, который затем складывал в безопасном месте — дожидаться прихода Карла.

Рикша остановился на углу Бубаб-роуд, и Карл сошел на мостовую, величественным жестом сунув в руку мальчишки-рикши (тому было лет пятнадцать) мелкую монетку.

Народ в этой части города разительно отличался от обитателей порта. Люди здесь были увереннее, молчаливее. Никто не толкался, не орал, не сыпал проклятиями, не вопил во всю глотку. Кроме того, здесь жили немногие богачи, ворочающие большими деньгами. Карл уже сейчас присматривался к Армянской улице как к месту, где когда-нибудь откроет свое дело. Скорее всего, это будет какая-нибудь лавочка «импорт-экспорт». Карл зашагал, напевая от удовольствия при мысли о своем будущем. Яркое солнце, бездонное голубое небо служили отличным фоном для солидных величественных викторианских зданий, делая их еще более почтенными и важными. Карл шел в

их тени и на ходу читал исполненные величия вывески — черная вязь, золотой академический шрифт или серебряная готика. В здешних вывесках не было ни малейшего признака вульгарности.

Карл вошел в контору широко известной корабельной компании и попросил позвать своего приятеля.

Уладив свои дела на Армянской улице, Карл извлек из кармана стальные часы и обнаружил, что до встречи еще осталась куча времени, так что можно перекусить. Да и до площади Далузи отсюда было рукой подать. На самом деле Карл назначил встречу в церкви св. Андрея, в одном из излюбленных мест, где обычно встречался с такого рода клиентами. Красная Церковь, так называли ее индусы, в это время обычно пустовала. Карл выбрал это место еще и потому, что отсюда было недалеко до Армянской улицы — глупо отправляться на другой конец города с целым ящиком гашиша. Всегда есть риск нарваться на старательного полисмена, которому захочется узнать, что у тебя в ящике. С другой стороны, прямо за церковью св. Андрея находилось главное полицейское управление. Карл надеялся, что полиция в самую последнюю очередь заподозрит, будто нелегальные сделки происходят прямо у нее под носом.

Карл поел в небольшом отеле на Коттон-стрит, называющемся «Имперский Индийский Отель». В кафе заправлял один из его приятелей — бенгалиец, готовящий самое лучшее карри в Калькутте. Сколько раз Карл приводил сюда клиентов и его восторженные рекомендации каждый раз подтверждались. Клиенты как правило были очень довольны. За эти небольшие услуги Карл мог есть в «Имперском Индийском Отеле» бесплатно и в любое время.

Покончив с едой, Карл еще успел поболтать со своим дружкой, прежде чем отправиться на встречу. Было почти три часа. Карл договорился встретиться с Марсденом семь минут четвертого. Он всегда выбирал странное время, каждый раз добавляя к часу несколько минут. Это была одна из его причуд.

Карри приятно улеглось в желудке. Сытый и довольный, Карл неспешно шел по родному городу. Одежда его была безукоризненно чистой и отглаженной. На Карле была белая рубашка и темно-красные брюки. Черный шелковый тюрбан поблескивал на голове, будто толстый гладкий кот, свернувшийся клубком. Двигаясь беззаботным прогулочным шагом, Карл внутренне буквально изнывал от нетерпения. В самом ближайшем времени в кармане у него появится сто фунтов. Пятьдесят фунтов, конечно, тут же отойдут его приятелю с Армянской улицы, затем придется поделиться еще с несколькими полезными людьми, скажем, с дружкой из ресторана, но тем не менее в конце дня у Карла все равно останется целых сорок фунтов, которые он положит в банк в Барракупуре. Солидная сумма. Собственный бизнес на Армянской улице уже маячил на горизонте.

Площадь Далузи была, наверное, самым любимым местом Карла в городе. Он частенько приходил сюда, просто чтобы отдохнуть. Приводил он сюда и клиентов, смешивая работу с развлечением. Площадь Далузи была одним из старейших районов Калькутты, так

что здесь Карл мог продемонстрировать клиентам практически все, что они хотели увидеть. Первоначально здесь находился форт Уильям. Сейчас часть форта была перестроена и отдана таможене. Особенно нравилось Карлу показывать европейским дамам, где в форте располагалось помещение для стражников, в 1756 году ставшее той самой страшной Черной Дырой. Что-то, а описывать страдания заключенных потрясенным клиентам Карл умел. Не раз и не два он получал огромное удовольствие, видя, как впечатлительные английские леди бледнеют и падают в обморок во время его рассказа.

Шотландская пресвитерианская церковь святого Андрея стояла, окруженная рощицей с двумя большими искусственными водоемами (как и большинство англо-индийцев, Карл называл их «водохранилищами»). Большим недостатком этого места было то, что из-за этих «водохранилищ» в любое время года здесь было полным-полно москитов. Вот и сейчас, когда Карл шел по вымощенной тропинке между деревьями, он увидел огромное облако москитов, которое клубилось в лучах света, пробивающегося между греческих колонн портика. Часы на башне «Лал Гирджа» показывали три часа и шесть минут.

Карл открыл железную калитку в изгороди и начал подниматься по ступенькам, отмахиваясь от москитов. Он всегда так делал. Шлепал себя по лбу и другим частям тела, весело, даже дружелюбно, убивая насекомых.

Войдя, Карл оказался в относительной прохладе. В церкви было почти безлюдно. Службы сегодня не было. Кроме Карла единственным человеком был молодой моряк, что растерянно стоял в проходе между двумя рядами деревянных полированных сидений. Лицо Марсдена было красным и потным. На нем были светло-кофейные шорты и грязноватая, на взгляд Карла, белая рубашка. Ноги и руки Марсдена были голыми к вящему удовольствию москитов. Марсден явно не хотел шуметь в церкви из боязни привлечь чье-нибудь внимание, так что не шлепал москитов, а просто неуклюже стоял, пока насекомые покрывали его лицо, руки и ноги. Единственное, на что осмеливался моряк, это пытаться стереть их с себя, впрочем, безуспешно. Проклятые насекомые взлетали и тут же немедленно садились, продолжая пировать.

— Добрый день, мистер Марсден, сэр, — сказал Карл, показывая деревянный ящичек с гашишем. — На сто фунтов, как обещано. Деньги у вас с собой?

— Рад вас видеть, — сказал Марсден. — Меня здесь почти съели заживо. Ну и место вы выбрали! Здесь что, всегда так?

— Увы, почти всегда. — Карл постарался, чтобы английский его звучал совершенно безукоризненно, но, к своему разочарованию, обнаружил в голосе легкий акцент.

Моряк протянул руку за ящичком. Карл увидел, что красные волдыри покрывают почти всю кожу.

— Давай-ка его сюда, сынок, — сказал Марсден. — Посмотрим, точно ли здесь тот товар, что мне нужен.

Карл оскорбленно улыбнулся.

— Товар стопроцентный, мистер Марсден. — Карл поставил ящик к ногам и развел руки. — А можно ли то же самое сказать о вашей платежеспособности, сэр?

— Естественно. Конечно. Не хочешь ли ты сказать, что не доверяешь мне, ты, бабуин! А то я рассержусь.

— Тогда покажите деньги, сэр, — ровным голосом сказал Карл. — Я, конечно, уверен, что вы честный человек, но...

— Да, мать твою, я именно такой! И выродила меня не черная побля... — Марсден осекся и нервно огляделся, сообразив, что возвысил голос и голос этот сейчас отражается в церкви. Он прошипел:

— Я не люблю, когда черномазые ублюдки намекают, что я мошенник. Деньги на корабле. Или ты считаешь меня ослом, который попретя сюда с сотней фунтов, а?

Карл вздохнул.

— Стало быть, мистер Марсден, денег с вами нет.

— Да, их нет.

— Тогда товар останется у меня, пока вы не принесете деньги, — сказал ему Карл. — Поверьте, я сожалеею. Бизнес есть бизнес. Вы согласны с моим предложением?

— Согласен, черт возьми, куда мне деться! — запальчиво проговорил Марсден. — Но я должен быть уверен, так что покажи мне товар.

Карл пожал плечами и открыл ящик. Явственно запахло гашишем. Этот запах ни с чем не спутаешь.

Марсден наклонился и принюхался. Кивнул.

— Сколько у вас с собой денег? — спросил Карл. Он начал подозревать, что Марсден, мягко говоря, преувеличил, заявив, что может взять столько товара, сколько сумеет достать ему Карл.

Марсден пожал плечами. Он сунул руки в карманы.

— Не знаю. Тут в основном в рупиях. Где-то четыре фунта с хвостиком.

Карл хмыкнул.

— Четыре фунта — это не сто фунтов.

— Деньги есть. Там, на корабле.

— Ваш корабль почти в пятидесяти милях отсюда, мистер Марсден.

— Я принесу их тебе завтра.

Когда Марсден прыгнул вперед и схватил ящик, Карл не пошевелился. Когда Марсден оттолкнул его в сторону и побежал с ящиком вдоль прохода, Карл сел на одну из скамеек. Если у моряка в самом деле в карманах четыре фунта с хвостиком, тогда Карл, по крайней мере, не потерял ничего кроме времени. Он отнесет ящик назад к своему дружку на Армянскую улицу, и они будут ждать, пока не подвернется подходящий покупатель.

Вскоре в церковь вошел молодой сикх из Дели с ящиком в руках. В свое время этот сикх останавливался в «Имперском Индийском Отеле» и не смог оплатить ночлег. Управляющий рестораном сказал об этом Карлу. Тот пошел и объяснил сикху, как можно отработать деньги, чтобы оплатить номер. Было видно, что должнику совершенно не улыбается работать на Карла, но выбора у него не было. Сикх подал Карлу ящик.

— Достаточно у него было денег? — спросил Карл. Сикх кивнул.

— Это все?

— Великолепно, — сказал ему Карл. — А где сейчас Марсден?

— В водохранилище. Похоже, он был изрядно наклюкавшись и свалился туда. В Калькутте, я слышал, с

морьяками такое случается. — Сикх сделал паузу. — Не знаю, что с ним. Может быть, утонул, может, нет.

— Благодарю тебя, — сказал Карл.

Он подождал, пока сикх уйдет, и в течение нескольких минут оставался в церкви, наблюдая, как москиты танцуют в лучах света, льющегося из окон. Карл был немного разочарован. Ну, ничего. Рано или поздно подвернется какая-нибудь другая сделка. Конечно, придется поработать. Карл не сомневался, что сумеет сколотить состояние и что мечты его сбудутся.

Из-за алтаря появился священник. Он заметил Карла и улыбнулся ему.

— Эй, парнишка, если ты из хора, то ты пришел слишком рано, должен тебя огорчить.

— Учишься, — сладострастно проговорил чернокожий, — ей-ей, учишься. Я же тебе говорил, что так и будет, что ты научишься.

Карл улыбнулся ему и потянулся.

— Да, ты говорил. Знаешь, это забавно...

— Ты тут говорил об этой твоей подружке. — Чернокожий меняет тему. — Как ее угораздило залететь?

— Как все залетают. Это было еще до закона об абортах. Мне это встало в двести фунтов. — Карл улыбается. — Представляешь, сколько мундиров мне пришлось нарисовать.

— А те, другие, что, обошлись тебе дешевле? Ну, те, две, которые были до нее?

— Они сами разобрались со своими проблемами. Знаешь, мне всегда не везет. Ну не могу я, не могу пользоваться этой резиновой дрянью, вот в чем беда. Стоит мне надеть резинку, тут же теряю интерес.

— Стало быть, никто не несчастливил тебя ребенком? — Ну, если смотреть на все с твоей точки зрения, то никто.

— Ладно, ты следующему дай родиться. Пускай живет. — Чернокожий кладет руку на хлипкие бицепсы партнера.

Карл удивлен столь явным проявлением человечности.

— Ты что, выходит, против абортот?

Чернокожий перекачивается на спину и тянется за пачкой сигарет, что лежит возле кровати на столике. Черный курит странные коричневые сигареты с темным табаком. Карлу прежде не доводилось видеть таких. Когда он впервые увидел пачку, даже покрутил ее заинтересованно в руках. Карл берет предложенную ему тонкую коричневую сигаретку и прикуривает от сигареты чернокожего. Ему нравится вкус этих сигарет.

— Так ты что, выходит, против абортот? — повторяет Карл.

— Я против уничтожения возможностей. Всему должна быть предоставлена возможность проявиться и расцвести. Весь интерес в том, чтобы наблюдать, что или кто выигрывает.

— А, — говорит Карл, — ясно. Ты хочешь выставить на доску сразу все фигуры, какие только у тебя есть.

— Ну а почему бы и нет.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (7)

Вы политический эмигрант, спасающийся от притеснения, которое угрожает убить Вас и Вашу семью. Вам удастся добраться до вокзала и с величайшим трудом среди толпы и давки посадить жену и детей в поезд, крикнув, чтобы нашли свободное место, пока Вы будете грузить общие пожитки.

Через какое-то время вещи уже в поезде, Вам удалось закинуть их в вагон в последний момент, когда состав уже отходил от станции. Вы кладете вещи в коридоре и отправляетесь искать Вашу семью.

Вы проходите поезд из конца в конец и не обнаруживаете их.

Кто-то говорит, что осталась только половина состава, другая же половина отцеплена и движется сейчас в ином направлении.

Не оказалась ли по ошибке Ваша семья в той, другой, половине состава?

Как бы Вы поступили?

Дернули бы за стоп-кран и, пока до станции еще недалеко, соскочили с поезда, оставив свой багаж в вагоне?

Дождались бы первой остановки, бросили багаж и попытались пересечь на встречный поезд?

Или же Вы надеетесь, что с Вашей семьей все в порядке, что они в следующем поезде и что Вы воссоединитесь с родными в пункте, куда изначально направлялись все вместе?